

Арина Ларина

Пляжная охота

С улыбкой
о любви

С улыбкой о любви

Арина Ларина
Пляжная охота

«ЭКСМО»

2012

Ларина А.

Пляжная охота / А. Ларина — «Эксмо», 2012 — (С улыбкой о любви)

Что делать, если любимый человек оказался изменником? У Аси на этот счет уже есть решение – конечно же, нужно срочно лететь на море! И не беда, что лучшая подруга Женя хочет поплакать в одиночестве по поводу разрушенной жизни. Ведь Ася лучше знает, как нужно залечивать сердечные раны, да и сама она не прочь подправить свою личную жизнь. А на море их уже ждут такие приключения, которые Ася не могла представить себе даже в самых смелых мечтах! И обязательно пляжные романы! А вот найдут ли подруги настоящую любовь – это зависит только от них...

© Ларина А., 2012

© Эксмо, 2012

Арина Ларина

Пляжная охота

Апрельское солнце било в лобовое стекло бесшабашно и хулиганисто, растекаясь невесомым золотом по салону. Голубое небо лучилось простодушием и позитивом, приглашая бросить все дела и босиком мчаться за весной. Или куда там бегают в период гормонального всплеска романтики, оптимисты и шизофреники? Навстречу любви?

Саша представил, как, задрав брюки, он легко выпархивает из машины и, эффектно зависая в прыжках, несется по лужам. Прочь от угрюмого, лобастого пассажира, вальяжно расположившегося рядом.

– Это просто выжившая из ума старуха, – причмокивая сочными, блестящими губами, вкрадчиво вещал лобастый. – Ей без разницы, где помирать. От тебя требуется лишь немного помочь нам, и все! Пятьдесят штук – твои. Тебе же нужны деньги, я знаю. Ремонт, кредит, жена красавица... – пассажир снова омерзительно шлепнул губами и улыбнулся, обнажив белоснежные, крепкие зубы.

– Приятно было пообщаться, – вздохнул Саша, поморщившись. – Сожалею, но ваше предложение не принято. Всего наилучшего.

Он уверенно перегнулся через круглые, обтянутые тертыми джинсами колени пассажира и распахнул дверь.

– Тебе того же, – ухмыльнулся лобастый, ничуть не расстроившись. – Не прощаюсь. Свидимся еще. – Он лениво сплюнул и неторопливо вышел из машины.

– Урод, – процедил Саша, рванув с места. – Не прощается он...

День не заладился с утра. Едва проснувшись под настырное пиликанье будильника, Александр Белогорский понял, что сегодня все пойдет наперекосяк. Часы показывали шесть.

– М-м-м, – простонал он и рухнул обратно на подушку. А ведь такой дивный сон снился. То ли что-то тропическо-эротическое, то ли рыбалка, в общем, во сне было лучше, чем в реальности, залитой солнцем. Не хватало только петушиных криков и коровьего мычания. Началось в колхозе утро...

Саша грустно вздохнул, зевнул и пошевелил сладко сопевшую жену:

– Катя, ты зачем часы перевела?

– У меня йога, – пробормотала супруга, натянув одеяло на голову и замотавшись в него, как в кокон. – Надо встретить восход солнца в правильной позе.

– Самая правильная поза перед восходом – эмбриональная, то есть калачиком, – с обидой заметил он. – И почему йога у тебя, а просыпаться должен я?

– Чтобы мне не было обидно и скучно, – донесся затихающий голос Катерины. Вероятно, она благополучно отбывала в царство Морфея. Катя всегда была такой – загоралась всякими неожиданными идеями и быстро теряла к ним интерес.

– Вставай, йожка моя, – ласково толкнул ее Александр. – Рассвет уже был. Раз ты все равно его проспала, давай хоть правильную позу примем.

Жена молча брыкнула ногой, ощутимо заехав ему по бедру, и еще крепче замоталась в одеяло.

– Свинство какое, – вздохнул Саша, пытаясь заснуть.

В голову уже полезли рабочие мысли, назойливыми мухами отгонявшие сон. В десять он должен был встречаться с неким Валентином по поводу продажи одной из квартир. Квартира была очень дорогой и страшно запущенной. Проживала там эксцентричная и многогранная, как эксклюзивный бриллиант, бабулька, не внушавшая Белогорскому доверия. Такая клиентка запросто могла передумать, слечь с инфарктом или вообще выйти замуж. Звали это ветхое, но энергичное создание Анна Борисовна Зевс. Одной только фамилии было достаточно, чтобы

относиться к клиентке с настороженностью. Всякие Ивановы, Невтюхайло и Фуфельманы обычно покорно собирали документы и относились к предстоящей сделке серьезно, досконально проверяя каждую букву в договоре и ежесекундно ожидая, что их кинут. А подобные божьи одуванчики, не глядя подмахивавшие все бумажки, манерно цедившие «кофея» из мейсеновского фарфора и разглагольствовавшие о дайвинге, прыжках с парашютом и паломничестве на озеро Тити-Кака, были непредсказуемы, как траектория полета фантика в ураган.

И словно в подтверждение Сашиных опасений на горизонте появился Валентин, у которого имелась конфиденциальная информация по мадам Зевс.

«Не иначе – родственник какой-нибудь со справкой о бабкиной невменяемости», – пугался Александр, заранее настроившийся на негативный исход встречи. Если бы Валентин мог сообщить что-нибудь хорошее, то сделал бы это по телефону.

– Черт знает что, – вздохнул Белогорский и поплелся в душ.

– Сегодня день «паук», – сморщив хорошенький носик, заявила за завтраком Катя.

– Слушай, мне нынче не до этого мракобесия, – пробурчал Александр.

Супруга ежедневно раздражала Сашу своими гороскопическими выкладками, вычитанными в Интернете, и, словно нарочно, зная его отношение к астрологии, подробно вещала про всякие космические глупости.

– Ну и дурак, – привычно отреагировала жена. – Надо прислушиваться к умным людям и жить в соответствии с ритмами Вселенной, а не в противофазе. Иначе мировая гармония сдует тебя, как вентилятор муху.

– Спасибо на добром слове, дорогая! Только мне всегда казалось, что гармония не бывает ни с кем в противофазе.

Катя сморщила гладкий лоб, пытаясь переварить его замысловатый довод. Воспользовавшись паузой, Белогорский чмокнул притихшую супругу в душистую щечку и отбыл на работу.

– День «паук», – усмехнулся Александр, вспомнив мерзкую рожу пассажира.

Нет, смешно даже думать о том, что он испугается какого-то мелкого жулика, клоуна, изображавшего «крестного отца»! Что ему сделает этот губошлеп с водянистыми глазами и гаденькой ухмылкой? Да ничего! Это же надо, что придумал – кинуть старуху. И как? С его, Сашиной, помощью.

– Бабка хочет домик в деревне? Смотреть не поедет? Фото видела? Ну, так и пусть отправляется на природу. Я же не предлагаю ее закопать, – добродушным шмелем гудел Валентин, сыто поглядывая на обалдевшего Белогорского. – Кругосветное путешествие она захотела! Пусть по телевизору мир посмотрит. Это дешевле и безопаснее для ее дряхлого организма. А то, что домик не в полчаса езды от города, а в соседней области, и на картинку не похож, это не наши проблемы! Надо было проверять перед покупкой. Восемьдесят лет прожила на свете, а так и не поняла, что людям верить на слово нельзя. Таких нужно учить, чтобы лохов было меньше. Согласен?

Александр покачал головой. Анна Борисовна Зевс поверила ему, поскольку Сашина репутация была кристально чистой, а не потому, что была наивной, выжившей из ума маразматичкой. И обманывать участницу «Куликовской битвы» – это как родственникам деньги под проценты давать – непорядочно.

От общения с Валентином осталось ощущение гадливости. Словно вяпался рукой то ли в соплю, то ли еще во что-то, а вытереть нечем.

Саша Белогорский был человеком порядочным и законопослушным. Он переходил улицу исключительно на зеленый свет, соблюдал правила дорожного движения, уважал старших и не нарушал законы. И вовсе не потому, что боялся ответственности. Он просто был уверен, что таким образом облегчает жизнь себе и окружающим.

– Если все станут следовать букве закона, – объяснял он Кате, – то тогда мы перестанем возмущаться, что живем в такой стране. Мы сами себе все портим, а первых шагов ждем от

других. Начинать надо с себя. Если не плевать под ноги, не выбрасывать бычки и обертки мимо урны и не парковаться на тротуаре, то не придется ругаться на криворуких дворников и лезть на проезжую часть, чтобы попасть в ближайшую булочную.

Катерина считала его идеалистом и злилась. Она была уверена, что риелторский бизнес при менее щепетильном отношении к действительности мог бы вознести их на вершину финансового успеха. Все вокруг гребли под себя, а ее муж строил какие-то идиллические модели существования общества и прятался за розовыми очками.

Если природа сделала тебя блондинкой, дала шикарную фигуру, красивое личико и немного мозгов, то ты имеешь право распоряжаться этим капиталом, вкладывать его и требовать адекватных процентов за использование. Все логично. И Катюша свои проценты требовала. Другое дело, что муж, выражаясь фигурально, явно недодавал. Он был уверен, что люди женятся по любви и живут без оглядки на расчеты, кто кого любит больше, а кому просто сделали одолжение. Кстати, намеков супруги, что ему сделали одолжение, Саша не понимал. Ха-ха. А когда мужчины понимали намеки? Они и прямые послыла улавливают с трудом, если, конечно, это не предложение отправиться на футбол или в бар. Тут скорость реакции зашкаливает.

Но Катерина считала, что муж обязан понимать, какое сокровище ему досталось. Тем более что сокровище ему досталось не только в переносном смысле, но и в прямом. Приданым молодой жены было сказочной красоты ожерелье с семью крупными бриллиантами. Правда, золото слегка потускнело, а замочек требовал ремонта, поскольку лет этому ожерелью было немало. Оно передавалось в семье из поколения в поколение аж со времен царя Гороха. Вместе с ним передавалась и трансформировавшаяся из века в век легенда, согласно которой эту очаровательную вещицу то ли царь Петр подарил одной из своих многочисленных возлюбленных, то ли богатый заморский купец таким образом организовал перемирие с тещей. В общем, результат стараний ювелиров теперь принадлежал Катерине Белогорской и хранился в банковской ячейке. На банке настоял Саша, абсолютно не понимавший, почему такую дорогую вещь нужно непременно таскать на себе.

– Куда? Куда ты в нем пойдешь? – восклицал он в ответ на претензии разъяренной супруги.

– Вот именно! Ты меня никуда не водишь! – топала ногами мадам Белогорская. – Зачем оно вообще нужно, если никто не знает, что оно у меня есть! Красивая вещь нужна для того, чтобы ее носить!

– Это не красивая вещь, а капитал, – возражал Александр. – Это история, память! В конце концов, я не хочу, чтобы тебе из-за этой побрякушки свернули шею. И если тебя волнует, что никто не скривится от зависти при виде твоего богатства, так можешь не переживать – твоя мама с такой помпой обставила дарение раритета, что все гости, которые были на свадьбе, в курсе. Кстати, именно из-за этого и пришлось сдать ожерелье в банк. Не хватало еще, чтобы нас ограбили.

– Ты скучный, нудный и пресный, как сухарь для диабетика! Жизнь – это праздник! Она дается один раз, и прожить ее надо феерично, – заламывала ручки Катюша, планировавшая плыть по волнам времени не на уютной семейной лодочке, а на белой яхте. И плыть она собиралась не по какой-то там мелководной речушке с елками и кустиками, понатыканными вдоль глинистого берега, а по бескрайнему бирюзовому океану.

Саша к страданиям жены относился спокойно и ждал, пока жена поумнеет и поймет, что он прав.

Мужчины редко приходят к согласию с женщинами. Они априори считают себя правыми и вместо того, чтобы найти с партнершей общий язык, великодушно ждут, пока даме надоест препираться, и она наконец сдастся. Удивительно, но дамы ждут того же. И как при таком

раскладе эти противоборствующие лагеря умудряются заключать перемирие, сосуществовать бок о бок и даже рожать детей – загадка.

– Меня кинули! Ки-ну-ли! Обвесили, как раззяву на рынке. Я так считаю: если ты женился на королеве, то должен соответствовать! Держать планку! А он ее не просто опускает, а давит ею мне на темечко и заставляет присесть! – делилась с подругами Катерина.

Подруги соглашались. Конечно, не факт, что в душе они считали ее королевой, но не ссориться же из-за побочных мелочей.

Дом Анны Борисовны Зевс нависал над проспектом, словно нос гигантского ледокола, – массивно, высокомерно и неотвратимо. Былое величие кое-где облупилось, царственный фасад местами изуродовали аляповатые вывески, а пластиковые оконные проемы точно бельмо старого пирата тарасились на мир непрозрачными стеклами. И только на пятом этаже потемневшие деревянные рамы выбивались из современной вакханалии шика и блеска. Именно там проживала эксцентричная старушка, на старости лет вознамерившаяся продать родовое гнездо.

Она была удивительной, очаровательной и пугающей, как Бермудский треугольник. Обычно старики категорически не желали покидать насиженные места и своим консерватизмом мешали молодым жить, дышать и размножаться, как требовала демографическая политика правительства. Молодежь не желала жить коммунарами, требуя раздела и уединения и обещающая непременно навещать. Старшее же поколение не верило, что его станут навещать, и не понимало, зачем разъезжаться, когда так здорово каждый день видется в коридоре, в кухне, в ванной комнате и вообще – жить семьей, пусть даже из десяти-двадцати человек. Зато не скучно! Ключевая фраза: «Вот помру, тогда и делайте, что хотите!» Фраза являлась талантливейшим психологическим ходом, поскольку никто не отважится высказать вслух опасение, что некоторые до ста лет живут и благополучно успевают похоронить не только детей, но и внуков. А вдруг... Нет-нет, дай Бог здоровья, но все же... Уж лучше разъехаться!

У мадам Зевс никакой родни, торопившей ее на кладбище или просто – на свежий воздух, в далекий колхоз, не было. Муж имелся, но было это давным-давно. Так давно, что Анна Борисовна не могла даже вспомнить, в каком году похоронила выпивавшего и погуливавшего супруга. С тех пор она жила ярко, весело и насыщенно.

– Сашенька, друг мой, – ворковала бабулька, деликатно удерживая наманикюрными лапками хрупкую фарфоровую чашечку с кофе, – жизнь так коротка, а мне надо столько всего успеть! Я, скажу вам по секрету, вообще-то не планирую доживать в деревне. Это уж так – на случай, если воплоти в жизнь все задуманное. Но у любого человека должно быть место, куда он может вернуться. Пусть эта избушка станет таким местом.

Избушкой Зевс именовала аккуратный коттедж недалеко от города, который планировалось приобрести взамен хорбм, где они и вели с бабкой утомительные интеллектуальные беседы. На сдачу от продажи помещения Анна Борисовна собиралась посмотреть мир и нахлебаться экстрима по самую заколку, скреплявшую жидкий пучок волос на макушке. Этот пучок делал мадам Зевс похожей на бывшую балерину. Сходство дополняла длинная шея, гордая посадка головы и прямая спина. Если бы Саша просидел в такой позе хоть полчаса, то у него свело бы мышцы. В детстве бабушка с криками «Не горбись! Сядь прямо!» заводила ему локти за спину и просовывала через них бамбуковую палку – часть папиной удочки. Маленький Шурик выгибался, как коромысло, и страшно веселился, норовя сшибить палкой хоть что-нибудь. Анна Борисовна в «позе коромысла» существовала вполне комфортно безо всякого бамбука.

Клиенткой она была нетребовательной и простодушной.

– За восемьдесят лет... Да-да, мне восемьдесят, и я не собираюсь кокетничать, убавляя свой возраст. Согласитесь, это в сорок женщине имеет смысл врать, что ей тридцать, надеясь услышать наглуую ложь, мол, а выглядите вы на двадцать. На подходе к вековому юбилею плюс-

минус десять лет уже не имеют значения. Потому что фраза «Да что вы, семьдесят? А выглядите на шестьдесят!» на комплимент все равно не потянет. Скорее это будет хамством! – Анна Борисовна жизнерадостно захохотала, продемонстрировав белоснежную вставную челюсть. – Так вот, дружок! За столько лет я немного научилась разбираться в людях. И вам я доверяю абсолютно и безоговорочно, так что не мучьте меня подробностями и не трясите документами. Я по глазам вижу, что если меня в Тихом океане не сожрут акулы, не затопчут на бразильском карнавале, не забодают на корриде, если я не вывалюсь из корзины воздушного шара, не запутаюсь в стропах парашюта и не разобьюсь на квадроцикле, то непременно приеду доживать в этот домик, впечатление от фотографии которого вы постоянно норовите подпортить какими-то выписками, актами, кадастрами и свидетельствами. Уймись и съешьте конфетку. Кстати, эти конфеты мне привезла подруга из Швейцарии. Настоящий швейцарский шоколад. Хотя наш шоколад гораздо вкуснее. Но гостям положено пускать пыль в глаза, поэтому ешьте. В жизни надо попробовать все.

И вот это милое создание лобастый Валентин предлагал кинуть, выселив в медвежий угол, где даже телефон не брал! А «сдачу», на которую Анна Борисовна собиралась попробовать все, Валентин планировал поделить.

Стоило признать, что мадам Зевс разбиралась в людях. Александра начинало мутить от одной лишь мысли, что он обманет божий одуванчик и лишит его счастья побегать от быка на корриде или сигануть с парашютом, огласив поднебесье истошным радостным визгом. Да как после такого жить? Как смотреть в глаза если не Кате, то хотя бы своему отражению? Бабушка всегда говорила, что любую копеечку надо заработать своим трудом. Он краденого да найденного добра не жди.

«И где только этот моральный инвалид телефон мой раздобыл?» – с отвращением размышлял Белогорский, тщательно вытирая ноги у входа в подъезд. Сегодня он должен был взять у Анны Борисовны очередную порцию подписей. Наверняка старушка уже ждала его, сварив свой фирменный кофе. Вспомнив про конфеты, Саша повеселел.

– Вы сейчас тут ямку протрете, – раздался звонкий девичий голос у него за спиной.

– Что?

– Я говорю, ямку протрете. Потому что дырка тут уже есть. Надеюсь, это не вы наш коврик изуродовали.

Девушка, похожая на встрепанного воробушка, лукаво смотрела на него, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Короткие темные волосы торчали в разные стороны в веселом беспорядке. То ли барышня эту очаровательную прическу делала у хорошего парикмахера, то ли забыла причесаться. Такие синеглазые брюнетки всегда казались ему торжеством фотошопа над здравым смыслом. Оказывается, и в реальности подобное чудо существовало.

С трудом оторвавшись от созерцания ямочек на ее щеках, Белогорский посмотрел под ноги. Стоял он ровно посередине внушительной дыры в коврике и шаркал подошвами по бетону.

– Нет, не я, – засмутился он, торопливо шагнув в сторону и стыдливо отпихнув ногой останки половичка.

– А вы к Анне Борисовне?

– К ней. А что?

– Ничего. – Девушка пожала плечами. – Жаль, что уезжает. Она замечательная. Надеюсь, вы ее не обманете. Это вы занимаетесь продажей ее квартиры?

– Разумеется, не обману! У нас приличное агентство! – запальчиво воскликнул Белогорский. Сдать, что ли, этого Валентина в полицию? А то совесть замучила. Не самому же с ним разбираться.

Но полиции, ранее именовавшейся милицией, Александр не доверял. У него был печальный опыт общения с представителями органов правопорядка, после которого Белогорский

твёрдо решил, что это будет последнее место, куда он обратится в случае возникновения проблем. В общем, проблемы у него возникли, а решать их было некому.

Раскланявшись с девушкой, оказавшейся соседкой Анны Борисовны, Саша угодил прямиком в объятия истосковавшейся по общению бабульки. Радостно воркуя, она утянула риелтора в гостиную.

Разумеется, на столе были кофе и конфеты.

– Сюрприз! Я дома! – крикнула Женя в глубь квартиры и, подпрыгнув ногами, сбросила туфли. – Эдя, меня сегодня раньше отпустили! Можем устроить романтический ужин или поход в ресторан. Ау! Ты что молчишь? Умер от счастья?

Судя по тишине, наполнявшей жилище, Эдуард либо умер от счастья, либо отсутствовал.

– Наверное, на заказы уехал, – пробормотала Евгения. – Ну и ладно. В ванне полежу.

Евгения Лебедева была девушкой позитивной и в любой ситуации умела найти что-то хорошее. Вернее, почти в любой. Иногда в жизни возникают такие ситуации, в которых позитива не больше, чем бананов на осине. Проще сказать, бывают моменты, которые позитивными не назовешь.

– Ёшкин кот! – Женя вздрогнула, словно наткнувшись на препятствие, и замерла на пороге комнаты. Нервно сглотнув, она аккуратно ущипнула себя за тонкую руку и нервно хихикнула: – Не сплю.

И тут еще теплившийся в глубинах подсознания оптимизм окончательно помахал ручкой и с тоскливым свистом улетел в заоблачную даль. А Жене стало плохо. Причем не наигранно плохо, когда барышня машет перед лицом ладошками и щебечет «Ах, мне дурно!», а вполне естественно. Ее замутило, ноги стали ватными и предательски подогнулись.

Постель была разобрана, на сервировочном столике красовались бокалы и грязные тарелки с остатками фруктов и чего-то еще. На одном бокале грязным пятном размазался след яркой помады. Издав сдавленный стон, Женя ринулась в ванную комнату. Там было еще живописнее. На полу валялись полотенца, а полочка с ее косметикой выглядела, как витрина после распродажи, была почти пуста.

– А-а-а, – прошептала Женя, содрогаясь от омерзения. Так ужасно она чувствовала себя, наверное, только один раз в жизни. Когда в детстве на даче сунула руку в дупло, а из темноты по рукаву ее кофточки, ловко перебирая лапами, метнулся огромный паук.

Полотенце на полу было еще влажным. Она отшвырнула его, вздрогнув, словно вляпалась во что-то отвратительное.

– Что это? Что? Как? – беспомощно пискнула в пространство Женя. Даже голос был каким-то чужим.

Здесь теперь все стало чужим. В ее доме, гнездышке, где она выросла, где знала каждую трещинку, каждую выбоинку на кафеле, случилось нечто чудовищное. Здесь была чужая женщина. Она надругалась над Жениным домом. Она спала на Женином белье, трогала вещи, вытиралась ее полотенцем. Да ладно, что там. Она явно и Эдиком попользовалась. Женя собиралась жить с ним долго и счастливо, хотя устала ждать предложения руки и сердца.

– Так не бывает. – Женя откашлялась и брезгливо отступила.

Белье и полотенца можно выкинуть. Ладно, не можно, а нужно. И даже не жаль, потому что если и постирать, то все равно она не сможет ими никогда воспользоваться. Косметику можно купить. Полы помыть... Но что делать с домом? С ее домом, который в одно мгновение стал чужим и грязным? И что делать с Эдуардом, все это устроившим?

– Как он мог? – простонала Женя, судорожно нашаривая в сумочке телефон.

Вот сейчас она ему позвонит, и все выяснится. Словно поняв, что хозяйка не в себе и ей не до игр в прятки, мобильный призывно запиликал где-то в глубинах набитой всякой ерундой сумочки. Сумочки Евгения предпочитала маленькие, а вещей любила туда натолкать столько, сколько не в каждый рюкзак влезает.

Надежду, что звонит Эдик с объяснениями четкими, внятыми и краткими, поскольку Жене в данный момент было не до демагогии и оправданий, разбил веселый голос Аси Муравской. Именно разбил, поскольку Женя буквально почувствовала, как ее жизнь с грохотом обрушивается, брызнув в разные стороны миллиардами крохотных осколков. Ее надежды, счастье, планы – все разбилось и восстановлению не подлежало. Не выдержав напряжения, Женя рыдалась так горько, как может рыдать тридцатисемилетняя девица на выданье, в очередной раз упустившая свой шанс.

– Что? – сиреной взвыла Муравская. – Евгеша, что случилось? Ты можешь мне сказать? Все, перестань икать, я все равно ничего не понимаю. У тебя дикция, как у жертвы стоматолога, только что вырвавшейся из кресла без половины зубов и с передозом наркоза. Я выезжаю. Сидеть и ждать меня, ясно?!

– Нет, – попыталась остановить ее Евгения. Но кто и когда останавливал Асю? Это была девушка-торнадо, девушка-танк. Если Муравская сказала, что приедет, то запираяться и прятаться от нее бесполезно.

Асе Муравской тоже было тридцать семь лет. Она считала себя женщиной взрослой, независимой и состоявшейся, однако до одурения хотела замуж и верила, что на ее улице еще перевернется грузовик с женихами.

По паспорту подруга была Ассоль. Наверное, имя наложило отпечаток на всю ее жизнь, поскольку Ася терпеливо ждала именно Грзя, и именно под алыми парусами. К тридцати годам она немного жалела почти о половине отвергнутых ухажеров, а после тридцати пяти уже была готова родить ребенка хоть от кого-нибудь.

– Конечно, – говорила она Жене по секрету, поскольку для всех остальных строго озвучивалась версия «я замуж не хочу», – если бы и муж образовался, было б идеально. Но сейчас мужик обмельчал, поэтому содержать абы кого лишь за то, что он мне сделал наследника, я не собираюсь. Моя половинка где-то ходит, я точно знаю. Но эти китайцы кошмарно расплодились и так увеличили количество населения на планете, что шансы найти того, кто мне предназначен судьбой, стремительно падают.

– Лебедева, открой!

Через полчаса верная подруга уже билась о железную дверь Жениной квартиры, наполняя подъезд грохотом и воплями. Разумеется, когда плохо соображавшая хозяйка доползла до порога и открыла дверь, на лестничной клетке появилась любопытная соседка-пенсионерка Калерия Яковлевна, которой было дело до всего, молодая мамаша из квартиры напротив, которой вообще ни до чего дела не было, и Анна Борисовна Зевс с Александром, не успевшим от нее уйти.

– Ограбили? – заорала Калерия Яковлевна, азартно блестя глазами и норовя прорваться в Женино жилище. Орала Калерия Яковлевна всегда, поскольку плохо слышала и ответы, и саму себя.

– Утечка газа? – воскликнула мамаша, вероятно, собираясь эвакуировать толстощекого младенца, дрыгавшего пятками у нее на руках.

– Помощь нужна? – зычно перекрыла общий шум мадам Зевс.

– Нет, – махнула ей Ася, взглянув на Сашины руки. Зафиксировав обручальное кольцо, Муравская потеряла к Саше интерес. – Граждане, просьба соблюдать спокойствие и разойтись. Когда понадобится, вас вызовут.

– Так я и знала, ограбили, – удовлетворенно потерла руки Калерия Яковлевна.

– Мне кажется, девушке плохо, – неуверенно произнес Александр, с тревогой посмотрев на безжизненно прозрачную Женю, застывшую в дверном проеме. Но, как и все мужчины, проблемы он не любил, поэтому помощь предлагал без особой настойчивости.

– Разберемся, – облегчила его муки совести Ася, решительно входя в квартиру и захлопывая за собой дверь.

– Меня сейчас стошнит, – сообщила Женя, смутно надеясь, что деятельная подружка немедленно войдет в ее положение и исчезнет.

Евгения Лебедева была из тех людей, которые любят делиться радостью с близкими, а горести предпочитают переживать в одиночестве. Но Асю чужие предпочтения никогда не волновали. Она все равно знала, как правильно, и с воодушевлением причиняла добро и наносила пользу, невзирая на сопротивление подопечных.

– Погоди тошнить. – Ася хищно ошупала подругу сначала взглядом, потом руками, огляделась и требовательно потрясла пострадавшую за плечи: – Что случилось? Говори, а то меня сейчас от любопытства разорвет. Я уже столько версий придумала, что могу книгу написать.

– Сама не видишь? – усмехнулась Женя.

Ничего такого, из-за чего стоило бы зеленеть и выть в телефон, стрессоустойчивая Асооль не заметила. Она мотнула белокурым каре, которое красиво качнулось, и потребовала конкретики. Женя вздохнула. Рассказывать не хотелось – не было сил. Да и вообще – Аська была другой, она бы не поняла, почему подруге так плохо. Муравская к наличию посторонних людей в своей квартире относилась спокойно. Сколько Женя себя помнила, у Муравских постоянно толклись какие-то люди: то родственники проездом, то знакомые погостить, а то и вовсе – незнакомые граждане, которым негде было переночевать. Когда в твоём пространстве постоянно шевелится кто-то посторонний, невозможно признавать это пространство своим. Дом, по мнению Жени, должен являться крепостью. И в этой крепости нет места для чужаков. Нельзя сказать, что Евгения была нелюдистой, замкнутой или не любила веселые компании. Она просто не терпела вторжения в свое личное пространство. А дом и был тем самым пространством, доступ в которое открывался лишь самым близким. Проще говоря – квартира для нее как нижнее белье. А сегодня в ее трусы кто-то нагло влез, и теперь их хоть выбрасывай. Все это Женя и попыталась донести до Аски.

Муравская навесила на физиономию подобающую моменту долю скорбного сочувствия и упрямо заявила:

– Так, все ясно, но ты неверно расставляешь акценты. Евгеша, с такой трепетной душой надо было родиться средневековой принцессой и жить в башне, отрачивая косы. А уж если ты имела счастье появиться на свет в нашем густо населенном мегаполисе, то соответствуй моменту и не будь душой. Дом ей осквернили, скажите пожалуйста! Тьфу на вас, барышня! При чем тут дом? Косметику жаль, не спорю. Но ты можешь позволить себе восстановить все. Тем более что ночной крем, ты сама говорила, не очень. Белье вышвырнешь – бомжей порадует. Я не понимаю одного: почему ты напиралась на вещи и молчишь про Эдика? Главное не в том, что у тебя в доме была тетка, а в том, что ее привел мужик, за которого ты собиралась замуж! И не надо врать, будто не собиралась! В нашем возрасте, когда репродуктивная функция стремится к финишу, каждый мужик, которого мы прикармливаем, потенциальный муж. Мне он хоть и не нравился, но выбор невелик. Наша проблема в том, что мы красивые. Ну, ладно, буду критичнее. Не красивые, а интересные, следящие за собой, обаятельные девушки. А симпатичная девушка всегда в зоне риска, потому что, проснувшись утром и взглянув в зеркало, она ежедневно получает подтверждение своих высоких котировок на рынке любви. Поэтому у нее запросы выше и отсеивает гуще. Проще говоря, это как муку через дуршлаг трясти – остаешься с пустыми руками. В лучшем случае, застрянет какой-нибудь крупный жук или комочки. К концу процесса просеивания большинство из нас остается именно с этими жуками и комочками. И Эдик твой – то еще счастье. Был. Извини за прямоту. Так вот, про рынок любви. Исторически сложилось, что конъюнктура рыночных отношений и сделки на рынке никоим образом не зависят от нашего мнения и нашей точки зрения. На рынке можно продавать что угодно и по какой угодно цене, но где гарантия, что ты это продашь, особенно взвинтив стоимость. А ведь при этом всем кто-то рядом стоит и демпингует. Мол, да, у меня нос длинный или ноги коротковаты, или вообще – живот, целлюлит и ребенок от первого брака,

зато я готовлю, стираю, убираю, готова быть не принцессой, а прислугой. Гарантирую вождение хороводов вокруг любимого супруга, стану с него пылинки сдувать и в попу целовать. Мужики ленивые и на эмоциях экономят. Вот стоит такой и думает, мол, ну чего я на эту фифу напрягаться буду? Когда рядом есть неприхотливая, которая всю жизнь будет благодарна, что ее замуж взяли. А к фифе можно по пятницам заскакивать, после трудовой недели. А мы с тобой все принцев ждали. До сегодняшнего дня я думала, что ты дождалась-таки. Эдя твой, конечно, очень относительный принц, но я свое мнение держала при себе, благо не мне с ним жить. Кстати, именно твой пример меня поддерживал и вдохновлял. А теперь мы снова обе холостые, ни разу не женатые, бездетные королевны. И это напрягает. Слушай, ты хоть мявкни что-нибудь для поддержки разговора. А то я тут зависла в монологе, а реакции ноль. Короче, давай переживать, что ты опять без мужика. И не просто переживать, а предпринимать конструктивные действия. А страдать по поводу стыренной косметики и того, что твоим полотенчиком кто-то вытирался, дурь несусветная. Это как попасть в аварию, да так, чтобы машина не подлежала восстановлению, и плакать, что ноготь сломала. О, это мысль! Воспринимай Эдика, как «Жигули», не подлежащие восстановлению, о них с легкой душой можно забыть. Машин в салонах – лопатой гребь. Мужиков – аналогично. Просто не на каждый автомобиль хватает денег, а на каждого мужика – необходимого набора прелестей. В тираж мы пока не вышли, но, как говорит по телику «сваха всея Руси», мы в седьмом эшелоне. А то и в восьмом. Так, ну хорошо медитировать. У меня уже язык устал, и в горле пересохло.

Ася доброжелательно двинула окаменевшую от внутренних переживаний подругу по плечу. Женя от неожиданности влетела в стену прихожей и обиженно охнула.

– Во, живая, – удовлетворенно констатировала Ассоль. – Что и требовалось доказать. Это шоковая терапия. Будешь молчать, я тебе еще раз врежу. Любя. Так что не планируй давать мне сдачи. Слушай, Лебедева, гостей принято развлекать.

Женя послушно поплелась в гостиную.

– Я вот не понимаю, – бодро продолжила Ася, двигаясь следом. – Почему, если женщине тридцать семь, то окружающие поджимают губки, сочувствуют и всячески намекают, что ты уже практически вышла в тираж? А если мужику тридцать семь, то он молод, полон сил и все у него впереди? Из-за того, что самцы отстают в развитии? Или это историческая несправедливость?

– Потому, что женщина должна рожать. И чем раньше, тем лучше, – произнесла Женя.

– Должна, должна, – пробормотала Муравская, отбирая у нее телефонную трубку, которой подруга пыталась включить телевизор. – Вечно мы всем вокруг должны. Никто не думает о том, что делать с ребенком после того, как тетка его родит. А дитяtko, между прочим, надо растить, воспитывать, на ноги ставить, то есть оплачивать все сопряженные с родами мероприятия. И на задний план отошел тот факт, что все это должен обеспечивать мужик. Получается, что он просто выделяет тебе один сперматозоид из своих миллионных запасов и шмыгает в кусты, как ящерица. И даже если ты эту ящерицу цапнешь за хвост, она все равно слиняет, оставив тебе то, за что успеешь схватиться, – хвост. А зачем нам хвост? От него ни жарко, ни холодно. В общем, необходимо пересмотреть место женщины в современном мире. И роль мужчины тоже. Да, вспомнила. Ты говорила, что тебя тошнит. Надеюсь, ты не беременна? Хотя это было бы не так уж плохо.

– Нет, меня тошнит от ситуации. И, к счастью, я не беременна.

– Почему, к счастью? – обрадовалась Ася. Подруга возвращалась в реальность и начинала реагировать на внешние раздражители.

– Потому что если и рожать, то от порядочного мужчины. А с Эдиком пока не все понятно.

– Не все понятно? – Ася аж подпрыгнула от возмущения. – То есть у тебя еще имеются варианты? Или ты намереваешься по извечной женской привычке оправдывать своего гулящего сожителя?

– Ну, он же должен как-то это все прокомментировать, – пожала плечами Женя, обведя комнату жестом экскурсовода на развалинах Карфагена. – Только Эдик почему-то трубку не берет. Наверное, занят.

– Ага, – с готовностью откликнулась Муравская. – Наверное. Сначала он тут был занят, а потом, как Винни-Пух, когда варенье закончилось, ушел в другие «гости».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.